

ранее правления Спитигнева. Но суть вопроса не в том, много ли знал автор «Crescente», а в том, знал ли он больше, чем написал. Кажется, нет никаких оснований думать, что автор «Crescente» что-либо замалчивал. Его рассказ о начале христианства в Чехии производит впечатление достоверности, образ первых двух крещеных князей — Спитигнева и Вратислава — основан на данных о храмах, ими заложенных. Нужно учесть, что и он писал на значительной хронологической дистанции, в эпоху епископства Дитмара (973—983), т. е. от времени Спитигнева его отделяли примерно два поколения. Вероятнее всего память о давно умерших князьях сохранялась в те времена главным образом в церквях, ими основанных, где, очевидно, служились по ним и заупокойные обедни. Можно думать, что большего автор «Crescente» в Праге времен Дитмара и не мог узнать.

Значение свидетельства «Crescente» о первом чешском князе христианине нельзя ни переоценивать, ни недооценивать. Можно лишь утверждать, что в Чехии эпохи Дитмара о начале христианства в стране знали только то, что сказано в «Crescente». При епископе Войтехе до Кристиана никто не считал нужным исправлять и дополнять данные «Crescente». В частности, такая возможность была у Гумпольда: он, очевидно, дополнял «Crescente» на основе устных сообщений. Гумпольд существенно расширил рассказ о друге Вацлава Подивене, но, видимо, у его информатора не было интереса к расширению вводных частей жития. У Гумпольда было историческое чутье, он старался наметить исторический фон событий: этот фон создает обращение Чехии в христианство. Спитигнева он делает современником Генриха Птицелова, в первой главе дает обзор распространения христианства по отдельным странам Европы.

Отношение Кристиана к легенде «Crescente» отнюдь не простое. Положение было бы иным, если бы Кристиан представлял местную чешскую традицию, независимую от более ранней агиографии Вацлава. На самом же деле его труд — это усердная компиляция, проникнутая очевидным стремлением использовать все подробности из более ранних легенд, хотя бы они друг другу и противоречили. Кристиан явно старается как можно больше рассказать о Вацлаве, и все же в частях, касающихся собственно князя Вячеслава, у него очень мало нового, ничто не указывает на источники, отличные от уже известных. Житие Вячеслава, как его излагает Кристиан, — это повторение данных более ранней литературы о нем, притом литературы, дошедшей и до нас, пожалуй, за одним исключением. Что есть у Кристиана своего — это его историческое чутье, талант комбинирования, способность истолковать и развить намеки источников, большое композиционное искусство. Что касается эпохи Вячеслава, то можно сказать, что в общем Кристиан подтверждает достоверность «Crescente», хронологически первой и центральной Вацлавской легенды. Конечно, достоверность эта только относительная, значащая, что ничего более достоверного в Чехии последней четверти X в. не было в обращении.

Итак, для времени Вячеслава в распоряжении Кристиана никаких самостоятельных источников не было. Возникает вопрос: что нового он мог знать о предшественниках Вячеслава? К данным «Crescente» о Спитигневе и Вратиславе он не прибавляет ничего нового, сведения о Спитигневе он скорее сокращает: приписывает строительство наиболее древних храмов, в особенности Богородицкого в Пражском Граде, уже Борживою. Происхождение Борживоя тем загадочнее, раз оказалось нужным приписать ему заслуги, которые более ранняя агиография приписывала Спитигневу. Круг исторических данных, которыми располагал в конце X в.